

УДК 1 (091)

РАСЦВЕТ «НОВОГО ХРИСТИАНСТВА»

И.О. Масленников

ИАТЭ НИЯУ МИФИ, Обнинск

Одним из интереснейших феноменов Серебряного века русской культуры является попытка построения «нового религиозного сознания», базировавшаяся на идее слияния интеллигенции и православной церкви, что, по мнению некоторых русских мыслителей, свидетельствовало о победе славянофильского мировоззрения в духовной жизни России. Организационно это выразилось в создании религиозно-философских обществ в Москве и Санкт-Петербурге, а также в большой роли религиозной проблематики у теоретиков новых течений искусства, в первую очередь у символистов. Главной же причиной интереса к религии у интеллигенции был сам характер наступившей эпохи, который ощущался неким переломом и выглядел переходным этапом как в России, так и на Западе.

Ключевые слова: *Серебряный век русской культуры, русская философия, русская литература, новое религиозное сознание, религия, православие.*

В 1913 г. Фёдор Степун опубликовал в журнале «Северные записки» статью «Прошлое и будущее славянофильства», где высказал интереснейшую мысль о том, что отныне именно философия славянофильства определяет духовную повестку дня сегодняшнего, становясь наиболее актуальной мировоззренческой парадигмой современной России. Закономерность этого Степун объяснил двумя причинами. Во-первых, «эпохи наиболее продуктивного подъёма философской мысли... расцветали всегда в той или иной связи с кризисом индивидуализма» (8, с. 829). Во-вторых же, «всякое философствование неизбежно самочинно», и вот как раз тут «преимущество славянофильства заключается в его органичности» (8, с. 829), поскольку связано оно с православием как внутренним духовным опытом России.

Конечно, не следует забывать и о достаточно серьёзной прививке немецкого романтизма, послужившей мощным катализатором этого процесса, поскольку романтизм, как известно, явился реакцией на эпоху Просвещения, закончившуюся кровавыми ужасами Великой Французской революции, что, в итоге, и скомпрометировало рационально-позитивистскую линию европейской мысли, вызвав её неприятие и отталкивание у значительной части русской интеллигенции. В иных же случаях принятие идей материализма и рационализма было настолько своеобразным, что превращалось в настоящую трагедию – как, например, в случае А.И. Герцена, который так и не смог «до конца своей жизни убаюкать мистически-революционную стихию своего духа в прокрустовом ложе своего материалистически-позитивно настроенного сознания».

ния» (8, с. 831). Если уж такое можно было сказать про западника Герцена, то нетрудно представить роль, значение и степень увлечённости религиозной проблематикой у представителей противоположного, славянофильского лагеря.

И действительно, религия (а именно православие) являлась настоящим фундаментом славянофильского миросозерцания, примеров более чем достаточно. Именно в сочинениях Отцов Церкви черпал вдохновение И.В. Киреевский, чьим глубоким убеждением было, «что посредством объединения в одно гармоническое целое всех духовных сил (разума, чувства, эстетического смысла, любви, совести и бескорыстного стремления к истине) человек приобретает способность к мистической интуиции и созерцанию, которые делают для него доступной суперрациональную истину о боге и его отношении к миру» (4, с. 33). О сближении науки и религии на почве личного опыта писал Ю.Ф. Самарин. Понятие и принципы организации церкви как единения любви и свободы на основе интуиции, гармонизирующей веру и разум, детально раскрывал А.С. Хомяков. Религиозный характер нравственности русского народа утверждал К.С. Аксаков.

Почвенничество, считавшееся дальнейшим развитием и продолжением славянофильства (говорили даже о его «вырождении»), преемственность сохраняло. Так, например, Г. Флоровский говорил про Аполлона Григорьева, что именно от него «идёт в русском мировоззрении это *эстетическое перетолкование православия*, которое уже у Леонтьева так остро» (5, с. 349). Разумеется, здесь нельзя пройти и мимо религиозных исканий Ф.М. Достоевского, охарактеризованных В.В. Зеньковским как «христианский натурализм». Фигура Н.Н. Страхова любопытна попыткой сочетания религиозной проблематики с естественнонаучной: «С одной стороны, он строит систему “рационального естествознания”... с другой стороны, Страхов признаёт, что “человек постоянно почему-то враждует против рационализма”» (3, с. 217), а Розанов (в статье «Литературная личность Н.Н. Страхова») прямо писал: «...религиозное составляет ни разу не названный центр постоянного тяготения его мысли» (6, с. 214).

И совершенно особое место занимает, конечно, Владимир Соловьёв. Объясняя причину этого, Ф.А. Степун фиксировал внимание на том, что «в миросозерцании Владимира Соловьёва славянофильство одержало неоспоримую победу над западничеством. Одержало её потому, что до конца признало правду противника» (8, с. 832). Раскрывая свою мысль, Степун пишет: «Он признал и оправдал необходимую безрелигиозность 60-х годов, он безусловно признал относительную правду как материализма, так и позитивизма, он критиковал реакционность славянофильского лагеря с ему одному лишь доступною силою гнева и юмора» (8, с. 832). Понятно, что речь здесь идёт о докладе Владимира Соловьёва «Об упадке средневекового миросозерцания», где высказы-

вალაშ დოვოლნო ინტერესная и перспективная идея о том, что даже атеисты и безбожники-материалисты являются проводниками религиозной истины и строят Царство Божие на земле. Иными словами, по мнению Степуна, в лице Владимира Соловьёва мы имеем дело со славянофильством исправленным и подкорректированным, которое успешно провело работу над ошибками, избавившись от одиозного и радикального антизападничества, чтобы сохраниться в изменившемся мире, в самом расцвете индустриальной эпохи Нового времени. Измениться, чтобы сохраниться и победить.

Итак, именно религиозное мирозерцание, а точнее, его российская специфика в виде православия, вот что составляет главный нерв славянофильства, его сердцевину. «Русский религиозный ренессанс» был связан с более широким культурным ренессансом России начала XX в., являлся его частью. Кстати, сам этот термин, по словам американского профессора Павла Л. Гаврилюка из университета St. Thomas (Миннесота), закрепился в англоязычной научной литературе после публикации в 1963 г. работы Н. Зёрнова «Русское религиозное возрождение XX века» (9, р. 12–13). Н.А. Бердяев, бывший непосредственным свидетелем и активным участником тех событий, предпочитал говорить о «настоящем культурном ренессансе», когда Россия «пережила расцвет поэзии и философии, пережила напряжённые религиозные искания, мистические и оккультные настроения» (5, с. 237). Подъём интереса именно к религиозной проблематике он выводил частично из марксизма, серьёзно повысившего философскую культуру России; и действительно, марксистскую школу прошли многие яркие представители идеализма – С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, П.Б. Струве, наконец, сам Бердяев. Другим источником он называл литературу, особое внимание уделяя Д.С. Мережковскому, связывая именно с ним появление так называемого «нового религиозного сознания». Конечно, одним Мережковским дело не ограничивается; хорошо известно, как активно работали в этом направлении другие литераторы, например поэты-символисты Вяч. Иванов, Андрей Белый. И, само собой, нельзя обойти вниманием фигуру В.В. Розанова – хотя бы уже потому, что, как писал Бердяев, Мережковский без Розанова совершенно непонятен.

Интересы Мережковского и Розанова отчасти совпадали – их обоим волновала проблема человеческого пола. Но если Мережковского человеческий пол интересовал главным образом в религиозном аспекте (в частности, из разделения полов он выводил даже учение о святой троице), то Розанов, отнюдь не чураясь религиозного мистицизма, больше внимания уделял вопросам семьи и брака в отношении к церкви и обществу, т. е. стороне социальной.

По Мережковскому, разделение на два пола – это трагедия, распад личности: «Полное разделение постольку невозможно, поскольку «в каждом мужчине есть тайная женщина, а в каждой женщине – тайный

мужчина» (идея Вейнингера). Для Мережковского идеал личности, как и для Соловьёва и Бердяева, – это некое двуполое существо, мужчина-женщина («Тайна трёх», 187)» (4, с. 431). В книге «Толстой и Достоевский» оба писателя предстают, соответственно, религиозными созерцателями плоти (Толстой) и духа (Достоевский). Плоть и дух как бесконечные полярности этого мира должны соединиться, что «приведёт, по идее Мережковского, к истинной реализации христианской свободы, которая находится “по ту сторону добра и зла”» (4, с. 432). В общем, мы видим здесь очень своеобразное обожествление плоти, связанное с половой проблематикой.

У Розанова тема пола тоже взята как религиозная, но сделано это иначе. Бердяев пишет: «Розанов разделяет религии на религии рождения и религии смерти. Юдаизм, большая часть языческих религий – религии рождения, апофеоз жизни, христианство же есть религия смерти... Рождение связано с полом. Пол – источник жизни. Если благословлять и освящать жизнь и рождение, то должно благословлять и освящать пол. Христианство... пола оно гнушается и закрывает глаза на него. Розанов считает это лицемерием и провоцирует христиан на решительный ответ. Он, в конце концов, приходит к мысли, что христианство – враг жизни, что оно есть религия смерти... Вопрос об отношении христианства к полу превратился в вопрос об отношении христианства к миру вообще и к человечеству. Ставилась проблема религиозной космологии и антропологии» (5, с. 242–243).

Всё это, конечно, справедливо лишь отчасти. Например, его негативное отношение к церковному официозу во многом объясняется личными обстоятельствами – неудачной женитьбой на бывшей возлюбленной Достоевского П.А. Сусловой, развод с которой он очень долго не мог получить от церковных властей, что и заставляло его, уже в широком смысле, задумываться о роли и значении церкви в обществе, вообще о значении религии в социальных отношениях.

С другой стороны, немало Розановым написано о религии и положительного, что также неудивительно, учитывая знаменитую розановскую противоречивость как особенность творческого метода, описанную им во втором коробе «Опавших листьев» следующим образом: «Вот и поклонитесь все “Розанову” за то, что он, так сказать, “расквасив” яйца разных курочек – гусиное, утиное, воробьиное – кадетское, черносотенное, революционное, – выпустил их “на одну сковородку”, чтобы нельзя было больше разобрать “правого” и “левого”, “чёрного” и “белого” – на том фоне, который по существу своему ложен и противен... и сделал это с восклицанием:

– Со мною Бог

Никому это не удалось» (7, с. 264).

Это, однако, редко принималось во внимание. Гораздо чаще многие недалёковидные современники упрекали Розанова в «двурушничестве».

стве», двуличии, беспринципности и т. д. По поводу его действительной религиозности хорошо писала Зинаида Гиппиус в своей книге воспоминаний «Живые лица»: «Самое “еретичество” Розанова исходило из его *религиозной* любви к Божьему миру, из религиозного его вкуса к миру, ко всей плоти. Но кто это понимал из православных, как мог понять, да и на что ему было нужно? Лишь редкие чувствовали» (2, с. 96). Впрочем, Розанов и Мережковский, символисты Белый и Иванов – яркие и однозначные свидетельства интереса русского общества к религиозной проблематике на рубеже XIX – XX вв.

Этот интерес требовал создания организационных структур, которые, соответственно, и возникали. Начало было положено Религиозно-философскими собраниями, проводившимися в 1901–1903 гг. в помещениях Русского географического общества. Конечно, Д.С. Мережковский и В.В. Розанов стояли здесь у истоков. Зинаида Гиппиус считала Религиозно-философские собрания частью общеевропейского неорелигиозного движения, базирующегося на идее создания вселенской церкви и неокатолицизме, отрицающем церковный клерикализм и стремящемся модернизировать христианство. Во Франции, где в разгар событий находились Мережковский и Гиппиус, это движение захватило Ecole Normal и Сорбонну, т. е. высшее образование и церковные круги, что вызвало резкую реакцию Рима. «Наше русское религиозное движение, наши Собрания и разговоры с православной церковью кажутся перед всем этим каким-то “захолустьем”», – отмечала Гиппиус (2, с. 264). Тем не менее «Д.С. всё-таки утверждал, что церковь православная – насколько она, внутренне, свободнее! Если разговоры, – такие же, если не более смелые, – запретила светская власть, – это лишь внешнее насилие. Сама же церковь никого не осудила, никто из духовенства не пострадал...» (2, с. 264).

Поскольку изначальная цель Религиозно-философских собраний, заявленная как «слияние интеллигенции с церковью», не выполнялась, это в конце концов вызвало раздражение обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, и в 1903 г. распоряжением петербургского митрополита Антония собрания были закрыты. Но так как проблемы, поднимавшиеся на заседаниях собраний никуда не исчезали, а только углублялись, это вызвало к жизни создание других подобных организаций – Московского религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьёва и Санкт-петербургского религиозно-философского общества.

Московское религиозно-философское общество памяти Владимира Соловьёва начало свою работу в 1905–1906 гг. и было очень эклектичным по своему составу. В нём принимали участие поклонники Елены Блаватской и поэты-символисты Андрей Белый и Вяч. Иванов, сторонники антропософии Рудольфа Штайнера и действующие священнослужители, религиозные философы и московские меценаты наподобие Маргариты Кирилловны Морозовой.

Общую направленность собраний задавал самый первый доклад, прочитанный В.Ф. Эрном ещё до официального открытия, «Христианское отношение к собственности», где декларировалась необходимость «стачек нового типа», которые, наряду с экономическим освобождением людей, должны были облегчить родовые муки появления сверхчеловечества, совершенно в духе Владимира Соловьёва. В свете распространения идей социализма и марксизма среди русской интеллигенции это звучало особенно актуально. Соответственно, и понимание религиозности участниками общества было отнюдь не ортодоксальным.

Санкт-Петербургское религиозно-философское общество, действовавшее с 1907 по 1917 г., имело свою предысторию в виде уже упоминавшихся выше религиозно-философских собраний, однако создавалось всё же, хотя бы официально, по инициативе и подобию Московского религиозно-философского общества, что объясняет как значительное пересечение участников обоих обществ, так и схожесть их религиозных, философских и общекультурных интересов. Среди его участников мы видим В.В. Розанова, Д.С. Мережковского, П.Б. Струве, Н.А. Бердяева. Глубоко символично, что на первом же заседании доклад Розанова, получивший в печатном виде название «Отчего левые побеждают центр и правых», был дружно осуждён. Главная мысль этого доклада, заключавшаяся в том, что революция – это наука, заменившая собой религию, не могла быть принята либеральной и прогрессивно настроенной общественностью. Мировоззренческо-теоретические разногласия участников были настолько велики, что исключали какой-либо компромисс даже на уровне идей; последовавшее в дальнейшем исключение Розанова из общества это только подтвердило.

История с изгнанием Розанова из Религиозно-философского общества довольно хорошо известна, особую пикантность ей придаёт то, что изгоняли не какого-то рядового участника, а одного из его основателей. Изгоняли «по совокупности заслуг» – за целый ряд скандальных и неоднозначных публикаций, в которых Розанов ярко проявил себя в качестве консерватора и реакционера. Начиная с принятой в штывы либерально-революционными кругами статьи «Не нужно давать амнистию эмигрантам», Розанов уходил в сторону неприятия своих идей всё дальше и дальше; его книги «Русская церковь и другие статьи» и «В тёмных религиозных лучах» настроили против него уже клерикальный официоз. Поддержка Столыпина и занятая Розановым публицистическая позиция в знаменитом деле Бейлиса окончательно завершили формирование негативного образа этого оригинального русского мыслителя среди читающей публики, что и сделало возможным его исключение из Религиозно-философского общества.

Отметим также, что интерес к философскому осмыслению религии, помимо специально создававшихся под это религиозно-философских обществ, был вообще характерен для того периода. Доста-

точно вспомнить знаменитые ивановские «среды» – нечто вроде художественно-литературного салона, устроенного в знаменитой «башне» – квартире Вяч. Иванова и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал на седьмом этаже их дома на Таврической улице. Там собирались поэты и учёные, философы и артисты, даже политики; все они жарко спорили на самые разные темы – философские, художественные, социальные, и религиозные вопросы занимали здесь далеко не последнее место. Впрочем, итог этих собраний был подведён Бердяевым точно и беспощадно: «На “башне” велись утончённые разговоры самой одарённой культурной элиты, а внизу бушевала революция. Это были два разобщённых мира... в общем культурная элита была на “башне” изолирована» (1, с. 156). К слову, о революции: актуальность религиозных вопросов ощущалась даже в радикальной политической среде; во всяком случае, Ленин довольно близких своих сподвижников Богданова и Луначарского серьёзно подозревал в заигрывании с религией, в так называемом «богостроительстве».

Очевидно, весь этот широкий и многообразный интерес к религии был порождён переломным характером самой эпохи, который чувствовался и в Европе, но в России, в силу её специфических особенностей, может быть, ощущался особенно остро. И действительно: новое искусство в непривычных формах шло на смену старому, политические противоречия вплотную подошли к мировой войне, становление «общества масс» вскоре констатирует Хосе Ортега-и-Гассет, наука и техника радикально меняли привычный уклад жизни. В России же на всё это ещё накладывались противоречия между архаичным социально-политическим устройством страны и передовыми буржуазно-капиталистическими отношениями в экономике, а также углублялась мировоззренческая пропасть между основной народной массой и образованной частью населения, его элитой, живших, как показала дальнейшая практика, совершенно разными интересами. И попытка преодолеть эту пропасть, проявлением чего можно считать саму мысль о слиянии интеллигенции и церкви, ради чего и была выдвинута идея «нового христианства», оказалась, к сожалению, неудачной.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Самопознание. М.: Книга, 1991. 446 с.
2. Гиппиус З.Н. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси: Мерани, 1991. Кн. 2. 383 с.
3. Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Л.: ЭГО, 1991. Т. 1, ч. 2. 280 с.
4. Лосский Н.О. История русской философии. М.: Высш. школа, 1991. 559 с.
5. О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. 528 с.
6. Розанов В.В. Легенда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М.: Республика, 1996. 702 с.

7. Розанов В.В. Уединённое. М.: Республика, 1990. 543 с.
8. Степун Ф.А. Сочинения. М.: Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2000. 1000 с.
9. Gavrilyuk P.L. Georges Florovsky and the Russian Religious Renaissance. Oxford: Oxford University Press, 2013. 297 p.

THE CLIMAX OF THE «NEW CHRISTIANITY»

I.O. Maslennikov

Obninsk Chapter of Moscow State Physical Institute, Obninsk

One of the most interesting phenomena of the Silver Age of Russian culture is the attempt to build a «new religious consciousness», based on the idea of an amalgamation of the intelligentsia and the Orthodox Church, which, according to some Russian thinkers, testified to the victory of the Slavophiles worldview in the spiritual life of Russia. This was reflected organizationally in the creation of religious and philosophical societies in Moscow and St. Petersburg, as well as in the great role of religious issues studied by theorists of new trends in art, especially by symbolists. The main reason for the interest in religion among the intelligentsia was the very nature of the coming era, which was understood as a turning point and looked like a transitional stage in Russia and in the West.

Keywords: *The Silver Age of Russian culture, Russian philosophy, Russian literature, a new religious consciousness, religion, Orthodoxy.*

Об авторе:

МАСЛЕННИКОВ Игорь Олегович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук ИАТЭ НИЯУ МИФИ, Обнинск.
E-mail: igo9444@yandex.ru

Author information:

MASLENNIKOV Igor Olegovich – PhD, Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Social Sciences, Obninsk chapter of Moscow State Physical Institute.
E-mail: igo9444@yandex.ru